

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИРА
ДЕЙЛ

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark suit over a white shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a white lace dress. They are standing in front of a window with dark curtains. The title 'ИЗМЕНА' is written in large, bold, white letters at the bottom.

ИЗМЕНА

18+

В ПЕРВУЮ БРАЧНУЮ НОЧЬ

Ира Дейл

Измена в первую брачную ночь

<https://litres.ru/74548159>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты переспал с другой в нашу первую брачную ночь!

— И что? — Леша пожимает плечами.

— И что?! — повышаю голос, вспыхивая как спичка. — Мы женаты! Ты женился на мне. Сам сказал да, тебя никто не заставлял, — рыдания подкатывает к горлу, сдавливая его.

Муж лишь жестко усмехается.

— Я сказал да, но верность тебе хранить не обещал, — шепчет, медленно наклоняясь надо мной.

— Брак это подразумевает! — пытаюсь его оттолкнуть.

— Кто такое сказал? Ты? Общество? Кто?! — выдыхает мне в губы. — Что за долбанными стереотипами ты живешь, Аля? Я как спал с кем хочу, так и буду продолжать, а тебе придется с этим смириться!

Муж думал, что я милая девочка, которая сложит лапки, закроет ротик и сделает вид, что не видела, как он изменил мне в нашу первую брачную ночь. Вот только Леша не на ту нарвался, я сбежала от него в тот же день. Но и меня ждал сюрприз, который не дал мне просто так развестись с изменщиком. В

любом случае, я пойду до конца, чтобы сохранить себя, и никто меня не остановит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	74
Глава 14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ира Дейл

Измена в первую брачную ночь

Глава 1

— Какого черта ты здесь делаешь? — рывкает мой уже как десять часов муж, сидя на коричневом диване в спальне, которая должна была стать нашей на эту ночь.

Освещение приглушено, но я все равно отчетливо вижу на коленях Леши замершую блондинку с прямыми, завязанными в низкий хвост, волосами. Ее красное платье задрано чуть ли не до талии, выставляя напоказ округлые, ничем не прикрытые, ягодицы. Именно на них лежат руки моего мужа. Его черная рубашка расстегнута, поэтому блондинка всем телом льнет к оголенной груди моего мужа, при этом пальцами зарывается в темные взлохмаченные волосы Леши.

Не знаю, сколько я стою здесь и наблюдаю за их любовными играми без возможности пошевелиться. Такое чувство, будто меня прибили к полу гвоздями, а в сердце вонзили сразу несколько кинжалов.

Боль такой силы пронзила грудь, что толком дышать не получается, не говоря уже о том, чтобы сдвинуться с места.

Кажется, если я пошевелюсь, страдания, которые сейчас отголосками отдаются в моем теле, вспыхнут словно спичка и уничтожат меня без остатка.

— Ты язык проглотила?! — рявкает муж, не сводя с меня прищуренного взгляда.

Я же не могу отвести глаз от следов, оставленных красной помадой на губах мужа. Именно на тех губах, которыми он целовал меня сегодня сначала в ЗАГСе, а потом на небольшом празднике, устроенном для самых близких людей.

Меня начинает мутить. Горло сдавливает. Глаза жжет.

Хочется плакать, кричать, истерить, но я просто поднимаю взгляд и ошарашенно смотрю на Лешу.

Не верю. Просто не верю, что после стольких лет он мог со мной так поступить.

— Я, наверное, пойду, — немного скрипучий голос блондинки разрывает тишину комнаты. Вздрагиваю. — Набери, как освободишься, — понизив голос, она призывно произносит Леше прямо в губы, после чего начинает подниматься.

Задерживаю дыхание. Внутри все сжимается. Сейчас я встречу с ехидным взглядом любовницы своего мужа. Почему-то именно от этого мне становится еще хуже.

— Сиди! — рявкает Леша, грубо возвращая девушку обратно к себе на колени. Блондинка полустонет, полуахает, а мой муж с такой силой впивается пальцами в ее бедра, что кожа вокруг них белеет. Где-то на краю сознания мелькает мысль, что на ягодицах девушки точно останутся отпечатки

пальцев моего мужа, но она тут же теряется в пучине неверия и непонимания, ведь при всех своих действиях Леша все так же смотрит на меня.

— Не хочешь говорить? — выгибает густую черную бровь. — Тогда убирайся отсюда. Я тут закончу и приду к тебе, — сухо бросает мне.

Не знаю, что именно выводит меня из ступора: рев мужа или все-таки то, что до моего заполненного отчаянием, медленно работающего, мозга доходит, что все происходящее — не сон и не галлюцинация.

— Интересно, мы поставим рекорд по самому короткому браку на свете? — бормочу себе под нос.

Смотрю на Лешу и прикусываю губу, чтобы не позволить всхлипу вырваться из меня.

— Прощай, — печально улыбаюсь, разворачиваюсь и ухожу от мужа по коридору с молочными стенами, деревянными дверями.

Загородный дом семьи мужа всегда казался мне чужим, а сейчас тем более.

— Твою мать! — рев Леши и звяканье пряжки ремня долетают до меня. Миг, и я срываюсь на бег. Босые ноги почти бесшумно ступают по коричневому ковролину. Шелковая кремового цвета ночная сорочка, которую прислал мне Леша для нашей первой брачной ночи, не стесняет движения. Темные локоны, которые я распустила из высокой прически, щекочут шею, раздражают нежную кожу лица, лезут

в рот. Но я даже не думаю их убрать, ведь вижу цель.

— Леша, ты куда? Мы не закончили! — прилетает мне в спину женский голос, когда до комнаты, которую для меня выделили, чтобы я подготовилась к свадьбе, остается совсем небольшое расстояние.

Оглядываясь через плечо, замечаю Лешу, несущегося за мной. Сердце, которое и так билось с бешеной скоростью, еще больше ускоряется, ведь муж быстро приближается ко мне.

Но я не торможу, как мчалась, так и мчусь, пока не достигаю дубовой двери. Распахиваю ее. Залетаю в комнату. Поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, но не успеваю. Сильная рука останавливает ее, распахивая обратно. Передо мной появляется оголенная крепкая мужская грудь.

Желудок сводит от страха, но я все равно медленно скольжу взглядом по бронзовой коже вверх, пока не встречаюсь с карими, почти черными глазами мужа.

— Значит, разводиться со мной собралась, я правильно понял? — Леша призывно выгибает бровь.

Глава 2

Холодный пот выступает на позвоночнике. Тяжело сглатываю, а в следующий момент делаю шаг назад, ведь Леша заходит в комнату. Отступаю снова и снова, пока не врезаюсь спиной в стену. Сердце так гулко бьется в груди, что заглушает тяжелые шаги мужа, который сокращает расстояние между нами. Нависает надо мной. Упираясь ладонями с двух сторон от моей головы, заключая меня в капкан из своих рук.

— Так что? Решила бросить меня в день нашей свадьбы? — Леша понижает голос до хриплого шепота, от которого у меня раньше коленки подогнулись бы, а сейчас желудок сводит и тошнота подкатывает к горлу.

Хотя последнее, скорее всего, из-за запаха перегара, исходящего от мужа. Вздергиваю голову, встречаюсь взглядом с глазами Леша.

— Ты пьян? — хмурюсь, едва выдавливая из себя слова. Муж хмыкает.

— Естественно я выпил. Все-таки сегодня моя свадьба, — последнее слово он буквально выплевывает. — Так что бросаешь меня, женушка? — уголок его губ ползет вверх.

Всматриваюсь в глаза Леша и действительно замечаю в них неестественный блеск. Мои брови ползут вверх, я впервые за все годы нашего знакомства вижу, чтобы муж затума-

нивал свое сознание.

— Я не буду с тобой разговаривать, когда ты в таком состоянии, — упираюсь ладонями ему в грудь. Бесполезно. Леша даже не шатается. Он, конечно, намного сильнее меня, но я думала, что алкоголь подействует на него не лучшим образом.

— Будешь! — рывкает муж, ударяя кулаком в стену. Подпрыгиваю от неожиданности. Сердце еще больше ускоряется. — Посмотри на меня, — рычит Леша. Мотаю головой. Не знаю, как с ним общаться, когда он неадекватен. — Я сказал: посмотри на меня, — чеканит каждое слово. Не слушаюсь. — Блядь! — муж грубо хватает меня за подбородок, поднимает его, заставляя посмотреть ему в глаза, в которых пылает чистейшее гневное пламя. — Аля, Аля, — качает головой Леша. — Чтобы ты там не вбила себе в голову, выбрось сейчас же. Ты сама сказала "да", никто тебя не заставлял. Теперь ты моя жена и ею останешься, несмотря ни на что. Уяснила?! — рывкает.

Вздрагиваю.

По голосу не слышно, что Леша пьян, следовательно... он действительно думает то, что говорит. И понимает... понимал, что делает.

Ступор резко спадает с меня. В груди снова разливается боль предательства. Она смешивается со жгучим гневом, разгоняет кровь по венам, заставляя ее бурлить.

В голове шумит. Виски пульсируют. Перед глазами появляется красная пелена.

— Это тебе нужно уяснить, что я завтра же, как только ЗАГС откроется, подам на развод, — цежу сквозь стиснутые зубы. — После того, что ты сделал, я точно не собираюсь оставаться твоей женой! — снова толкаю его в грудь и снова бесполезно.

— А что такого сделал? — как ни в чем не бывало выгибает бровь муж.

Щурюсь, вглядываясь ему в глаза. И вижу в них... блеск веселья.

Да, он издевается надо мной! Его забавляет вся эта ситуация! Забавляет, мать его!

Возмущение разливается по венам.

— В нашу первую брачную ночь чуть не переспал с дру... — замолкаю. Желудок ухает вниз. Вспоминаю оголенные бедра блондинки, ее аханье, когда муж посадил ее обратно себе на колени. Или все-таки... насадил. Прямо при мне! Внутри все скручивается в тугий узел. Дышать становится нереально. Но я все равно втягиваю в себя воздух. Нельзя расклеиваться. Нельзя. Нельзя... Расправляю плечи, заглядываю Леше прямо в его черные глаза. — Ты переспал с другой в нашу первую брачную ночь! — произношу твердо.

— И что? — Леша как ни в чем не бывало пожимает плечами и не отрицает, не отрицает, не отрицает...

— И что?! — повышаю голос, вспыхивая как спичка. — Мы женаты! Женаты! Ты женился на меня. Сам сказал "да", тебя никто не заставлял, — бросаю Леше его же слова.

Муж лишь жестко усмехается.

— Я сказал "да", но верность тебе хранить не обещал, — шепчет, медленно наклоняясь.

— Брак — это подразумевает! — шиплю не хуже дикой кошки.

— Кто такое сказал? Ты? Общество? Кто? — резко выдыхает. Мне в нос бьет запах перегара. Я и не заметила, что Леша так сильно ко мне приблизился. Его губы буквально находятся напротив моих. — Что за долбанными стереотипами ты живешь, Аля? Я как спал, с кем хочу, так и буду продолжать, а тебе придется с этим смириться!

— Но не в нашу же брачную ночь! — выпаливаю и едва не бью себя по лбу. Что я, черт побери, несу? Я ни в коем случае не смирюсь с изменами своего мужа! Тем более, регулярными! Я не тряпка, которая сидит дома и варит борщи, пока муж развлекается с другими бабами.

Лешу, видимо, забавляют мои слова, потому что на его губах растягивается лукавая ухмылка.

— Так в этом проблема? — он хватает полы рубашки, растегнутые его любовницей, стягивает их с плеч. — У тебя будет незабываемая первая брачная ночь, — выдыхает мне

прямо в губы, — это я тебе обещаю, — рокочущие нотки проскальзывают в его голосе.

Рубашка падает у наших ног.

Глава 3

Шок пронзает тело. Прирастаю к полу. Чувствую обжигающее, пропитанное алкоголем дыхание на своих губах и не могу пошевелиться.

Леша же не серьезно? Он просто не может действительно думать, что я с ним пересплю после... всего.

Вот только уже через мгновение чувствую губы мужа на своих. Отвращение пронзает тело, оживляя его. Не знаю, откуда берутся силы, но секунду спустя я в очередной раз толкаю Лешу в грудь.

На этот раз он, видимо, не ожидавший такой подставы, отступает на шаг назад.

Я же пользуюсь появившейся возможностью, юркаю в сторону. Отхожу на приличное расстояние и только после этого разворачиваюсь.

— Не смей прикасаться ко мне после своей шлюхи! — сжимаю руки в кулаки, впиваюсь ногтями в ладони.

Леша тоже поворачивается ко мне, с прищуром вглядывается в мои глаза, после чего просто пожимает плечами:

— Ну видишь, ты сама не хочешь, — усмехается он, засовывая руки в карманы брюк. Надевать рубашку, похоже, не собирается.

Задыхаюсь от возмущения. Едва не роняю челюсть на пол. Хочу закричать, какой же Леша все-таки козел, но... сдува-

юсь. Силы покидают меня так же быстро, как и появились. Боль струится по венам, не давая даже на мгновение забыть о предательстве человека, который должен был стать для меня самым родным на свете.

— Зачем ты на мне женился? — обнимаю себя за талию, отвожу взгляд в сторону, но уже через мгновение снова возвращаю его к мужу — хочу видеть глаза предателя, когда он даст мне ответ.

Вот только сразу же жалею о том, что посмотрела на Лешу. Если всего секунду назад в его глазах отражалось веселье, то сейчас в них пустота. Холодная, гнетущая пустота. Лицо застилает нечитаема маска, которая не дает мне определить эмоции мужа. Леша, конечно, не самый открытый человек, но я впервые вижу, чтобы он так быстро, словно по щелчку пальца, превращался в статую.

— Мне нужна была жена, а тебя я давно знаю. Уверен в твоей порядочности и в... преданности нашей семье, — произносит он спокойно, не сводя с меня пустого взгляда. — Ты станешь для меня достойной партией, а я буду заботиться о тебе. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Нас многое объединяет, Аля, поэтому я ни на секунду не сомневаюсь в том, что из нас выйдет хорошая пара.

Леша замолкает, а мне удастся лишь смотреть на него и хлопать глазами.

— А как же любовь? — произношу едва слышно. Уголок губ Леша ползет вверх.

— Ее переоценивают, дорогая, — он отталкивается от пола и направляется ко мне.

Двигается медленно, размеренно, уверенно. Словно хищник, который наметил свою жертву, и теперь не остановится, пока не поймает ее в свои лапы. Вот только я не пытаюсь бежать, не могу даже шага сделать. Тело отказывается слушать приказы изнывающего от боли мозга. Сердце вовсе кровью обливается. Кинжал, который вонзил в жизненно необходимый орган муж во время своей измены, с каждым его словом впивается все глубже и глубже.

Леша останавливается в шаге от меня, но я все равно не могу толком вздохнуть. Воздух словно уплотняется, застревая в горле, оседая осадком в легких.

— Ты же взрослая девочка и знаешь меня много лет, откуда столько наивности? — снисходительно произносит муж, склоняя голову к плечу. — В любом случае, ты уже вышла за меня замуж. Поэтому можешь быть уверена, у нас будет крепкая семья. И ты всегда сможешь на меня положиться. А об остальном не волнуйся. Супружеский долг я исполню, — сужает глаза, вглядывается в мое лицо, — но, видимо, не сегодня, — хмыкает. — Ладно, раз такое дело, отдыхай. У тебя сегодня было слишком много потрясений. Мы поговорим завтра, — Леша глубоко вздыхает и разворачивается к двери. Но не успевает сделать и шага, как оглядывается через плечо. — О разводе даже не смей думать! Я этого не приму! — жестко произносит, еще мгновение пронзительно

смотрит на меня, после чего отворачивается и направляется к двери.

Стоит Леше отойти, как с меня словно наваждение спадает. Мозг начинает судорожно соображать. Мысли мечутся в голове.

Господи, как я могла так вляпаться? Как? У Леши нет чувств ко мне. Совсем. Как я могла этого не понять? Как могла не увидеть? Я думала, что в последнее время мы сблизились. Думала, что между нами появилась связь. Особенно, когда...

Мотаю головой. Нет, не хочу об этом сейчас думать. Мне и так достаточно больно.

Но факт остается фактом. Леша не любит меня. Вот только мое сердце, сколько я себя помню, принадлежит ему. И уверена, муж об этом знает. Знает, черт его побери! Поэтому и воспользовался моей слабостью по отношению к нему. Воспользовался моими чувствами, чтобы добиться своего.

Нет! Так не пойдет. Брак без чувств меня не устраивает!

Я не буду жить с мужчиной, который меня ни во что не ставит... который не любит меня достаточно, чтобы хотя бы не изменять.

Я не позволю Леше еще больше истязать мое сердце, которое и без того месиво напоминает.

Сильнее впиваюсь ногтями в ладони, но физической боли не чувствую, все тело заполонила душевная. Поворачиваю голову к мужу, который успел дойти до двери и бросаю ему

в спину:

— Найди себе другую жену! Я завтра подаю на развод! — удивительно, но мой голос не дрожит. В нем чувствуется сила и непоколебимость.

Леша тормозит в дверном проеме.

— Нет, ты этого не сделаешь, — чеканит, даже не оборачиваясь. — Если моих аргументов тебе недостаточно, тогда позвони своему отцу. Уверен, он сможет тебя убедить, что этот брак для тебя куда выгоден, чем ты думаешь, — заявляет и сразу же выходит из комнаты, с громким хлопком захлопывая за собой дверь.

Мне же остается лишь смотреть на деревянное полотно и осознавать, что мой счастливый брак разрушился, даже не успев начаться.

Глава 4

"Твой брат — полный мудака. Да-да, знаю, ты меня предупреждал. Но я не думала, что он настолько козлина. Не понимаю, как у одних родителей могли родиться такие разные сыновья. А еще не понимаю, почему он всегда был твоим идеалом. Скотина, блин".

Спускаюсь по лестнице, одновременно отправляя сообщение Саше, после чего засовываю телефон в задний карман джинсов. Поправляю черный бомбер и ускоряюсь. Внутри меня буквально бурлит ярость. Сердце клокочет в груди.

Господи, как же я могла так вляпаться?

Состоявшаяся женщина, хирург, а отдала свое сердце какому-то мудаку, стоило тому проявить ко мне мимолетный интерес. Совсем как девочка-подросток, блин. Но этого же мне оказалось мало, я еще и замуж за главного мудака в своей жизни вышла. О чем я, черт побери, думала?

Я же знаю Лешу много лет. Все эти годы видела, что он меняет женщин быстрее, чем пули в своем пистолете. Он никогда не задерживался на одной пассии. С чего я взяла, что стану для него особенной? Вот с чего?

Да, нас многое объединяет. Мы через такое количество трудностей вместе прошли, особенно в последнее время, что они не могли нас не сблизить, но этого самодовольного чурбана ничем не пробить. Ничем!

Резко выдыхаю, прыгивая с последней ступеньки и оказываясь в просторном холле, который обычно залит светом, а сейчас наполнен тьмой. Тишина в доме стоит такая, что слышно каждый шорох... каждый вздох. Почему-то меня не покидает ощущение, что за мной наблюдают, но никого не вижу и не слышу. Вот только живот все равно скручивает из-за нехорошего предчувствия. Чувствую себя вором, который без приглашения пробрался в дом. Приходится напоминать себе, что и я раньше была здесь частым гостем, а сейчас вообще... хозяйка. Даже мысленно выплевываю последнее слово.

После того, как Леша вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь, я еще с минуту стояла, глядя ему вслед.

Мозг просто отказывался соображать, а тело слушаться. Каждое нервное окончание словно воспалилось. Сердце, которое я на свой страх и риск открыла будущему мужу, чуть ли не кровью обливало. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть себе не только самообладание, но и возможность двигаться.

Первое, что пришло в голову — папа. Что Леша имел в виду, когда призывал пообщаться с отцом? Каким боком мой папа прикасался к нашему браку?

Именно куча вопросов без ответов заставили меня броситься к прикроватной тумбочке, подхватить телефон и набрать номер, который я помню наизусть. Вот только сколько бы я ни звонила, приходилось слушать лишь длинные гудки,

которые довольно быстро сменялись короткими. С каждым неотвеченным вызовом я заводилась все больше и больше, поэтому решила плюнуть на все. Быстро переоделась — сорочку, присланную мужем, выбросила в мусорку вместе со свадебным платьем, подхватила телефон и побежала на первый этаж.

С тех пор не останавливаюсь, пока не вылетаю на освещенную лишь одинокими фонарями подъездную дорожку к семейному особняку Романовых. Захлопываю за собой дверь. Спускаюсь по широкой бетонной лестнице.

Лишь покинув проклятый дом, в котором я сначала обрела надежду на счастливое будущее... на семью, а потом в одночасье потеряла, мне удастся начать дышать полной грудью. Даже то, что я быстро иду к кованым воротам, не сбивает дыхание.

Хочется рвать и метать. А еще.. забиться в какой-нибудь угол и плакать без остановки.

Я выбираю первое, поэтому не замечаю, как покидаю территорию загородного дома, в котором провела почти все свое детство, и только после этого вспоминаю, что не вызвала такси.

Черт!

Нужно срочно успокоиться, а то еще наворочу дел.

С этой мыслью глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, после чего достаю телефон из кармана и захожу в приложение.

Пока мне подбирают машину, решаю набрать еще раз па-

пу. Понимаю, что бесполезно, но все-таки. Нажав на нужный контакт, прикладываю гаджет к уху.

Длинные гудки до жути раздражают и без того натянутые нервы. Но я стоически их слушаю, переминаясь с ноги на ногу, пока...

— Алло, — заспанный голос отца жутко скрипит.

Резко выдыхаю, а уже в следующее мгновение набираю полные легкие воздуха.

— Папа. Как ты связан с Лешей? И какое отношение имеешь к нашему браку? — чеканю каждое слово, напрягаясь до предела.

Порыв ветра окутывает тело, забирается под одежду, но холода не чувствую. Я сейчас ничего не чувствую — вся превратилась в слух.

— Папа! — вскрикиваю, когда не слышу ответа.

— А? — тяжелый вздох раздается в трубке. — Дочка, выбрось лишние мысли из головы. — У отца заплетается язык? — Сегодня день твоей свадьбы, мы вообще не должны разговаривать. Тем более, посреди ночи, — папа зевает. — Посреди ночи жена должна ублажать мужа. Лучше этим займись, — слова папы звучат отдаленно.

Но даже несмотря на это, они острой стрелой пронзают сердце. Неужели, папа договорился о чем-то с Лешей, а я стала разменной монетой? Нет. Не может этого быть! Не может же?

Несколько секунд слушаю тишину на том конце вызова,

пытаюсь справиться с потрясением, после чего на мгновение прикрываю глаза, а следующее — распахиваю веки и шепчу:

— Папа, что ты сделал? — вот только сколько бы я ждала ответа, его все нет и нет. — Папа? Папа! — снова кричу.

Бесполезно. На той стороне раздается храп.

Да блин!

Сбрасываю вызов. Снова набираю отца, но ответа, как не было, так и нет.

Сильнее стискиваю телефон, замахиваюсь, чтобы запустить его куда-нибудь, но вовремя себя останавливаю.

С силой зубами впиваюсь в нижнюю губу, пытаюсь душевную боль заглушить физической. Не помогает. Но я не сдаюсь.

Даю себе пару секунд на страдания, после чего беру себя в руки. Заглядываю на экран телефона и чуть не стону в голос.

Кажется, удача сегодня совсем отвернулась от меня — такси будет только через час. Долбаный загород.

Можно, конечно, вернуться в дом и подождать там, но эта мысль мне претит. Поэтому решаю прогуляться до КПП. Все равно такси не проедет на территорию закрытого поселка без специального пропуска, а я его выписать не могу.

Поэтому выбора у меня не останется.

Не знаю, сколько иду, стараясь ни о чем не думать, наверное, долго. Но до шлагбаума добраться никак не удастся.

Сзади раздается шуршание шин, свет фар освещает дорогу. Отхожу в сторону, пропуская машину, вот только вместо

того, чтобы проехать мимо, она останавливается рядом, затем улавливаю приглушенный хлопок.

Резко торможу. Холодок бежит по позвоночнику, желудок сводит от нехорошего предчувствия и не зря. Не успеваю собраться с силами, чтобы посмотреть, кто же решил составить мне компанию, как возле моего уха раздается проникновенный шепот:

— Тебя подвести, моя непокорная девушка?

Миг, и Леша оборачивает руку вокруг моей талии, вдавливая меня в свое тело.

Глава 5

Поднимаю коврик, лежащий перед железной дверью, и достаю оттуда запасной ключ. Я много раз ругалась на папу за то, что он завел столь доступный тайник. Но сейчас даже рада, что отец пропустил мои нотации мимо ушей.

Ведь дверной звонок в квартире папы, как всегда, отключен, а стучать оказывается бесполезно — у меня уже костяшки пальцев болят. Леша же, который прислонился к стене за моей спиной и с интересом наблюдает за моими потугами попасть в квартиру, явно, не собирается мне помогать.

На самом деле, я удивилась даже тому, что он отвез меня к отцу. Думала, запрет в какой-нибудь темнице.

Но нет.

Когда я развернулась к нему и сказала "да, подвези", тот лишь коварно усмехнулся, после чего указал рукой на машину.

Вспомнив о том, что Леша пил, я сначала испугалась, но когда увидела водителя за рулем, выдохнула.

Забраться в салон и сидеть на заднем сидении рядом с мужем, даже учитывая, что между нами было приличное расстояние — оказалось самым сложным, что я делала в последнее время.

Но выдержать дальнюю дорогу помогло желание узнать всю правду. Леша же на протяжении всего пути, как ни в чем

не бывало, разговаривал по телефону, решая рабочие вопросы. На меня только изредка поглядывал.

Когда машина остановилась, я вылетела из салона быстрее пули. Вот только едва успела глубоко вздохнуть, как поняла, что мой новоиспеченный муженек никуда не собирается уходить.

Решил проконтролировать то, что скажет мне отец? Или то, что я никуда не денусь после разговора с ним?

— Ты все это время знала, где ключ? — прилетает мне в спину смешок Леша.

Стискиваю зубы, едва ли не скриплю ими. Присутствие мужа рядом и его постоянно сверлящий мой затылок взгляд и так заставляет волосы по всему телу вставать дыбом. Стоит ли говорить о том, что мысли жутко путаются? Именно поэтому я сразу и не вспомнила о любви отца хранить ключ под дверным ковриком.

Вот только вместо того, чтобы послать Лешу в жопу, я быстрыми движениями поворачиваю ключ в замочной скважине и распахиваю дверь.

Ожидаю увидеть темноту, но меня встречает яркий свет, горящий в узком коридоре с темно-серыми обоями. На полу на приличном расстоянии друг от друга валяются ботинки отца, чуть поодаль замечаю его пиджак, а возле входа в гостиную пустую бутылку, похоже, из-под виски.

Теперь понятно, почему папа не ответил ни на один мой звонок. Видимо, праздновал свадьбу единственной дочери.

Мотаю головой и переступаю порог. Хочется повести себя как маленькая капризная девочка, и попытаться закрыть дверь, но вовремя вспоминаю, что Леша сильнее и если захочет, то проникнет в квартиру любыми доступными ему способами.

Поэтому просто вздыхаю, отталкиваюсь от пола и направляюсь вглубь квартиры. Краем глаза в зеркале встроенного шкафа замечаю свое отражение, но не концентрируюсь на нем. Быстро дохожу до гостиной, соединенной с кухней, заглядываю в нее, но никого не вижу. Иду дальше в самый конец коридора, где находится комната отца. Дверь открыта, поэтому мне остается лишь войти и щелкнуть выключателем. Яркий свет слепит глаза, поэтому моментально замуриваюсь. Но тут же распахиваю веки, когда слышу женский визг:

— Что за?!

Бросаю взгляд на двуспальную кровать, стоящую в центре комнаты с черными стенами в белый разных размеров горошек, и сразу же жалею о своей импульсивности. Ведь в постели отца вижу не только его самого, но и блондинку, которая прикрывает оголенную грудь черной простыней. Отвращение вмиг разливается по венам. Девушка явно намного младше даже меня, не говоря уже об отце.

Вдобавок, еще одна развратная блондинка за вечер — это точно перебор!

Свет, похоже, разбудил не только спутницу папы, но и его.

Он, прикрытый лишь по пояс, садится на кровати, взъерошивает темные волосы и непонимающе смотрит на меня.

— Аля? — щурится, будто не верит своим глазам.

Меня моментально начинает мутить, когда перед глазами встают картинки того, что могло произойти в этой комнате. Резко разворачиваюсь на пятках и бросаю через плечо:

— Жду тебя на кухне, — тяжело сглатываю, — одного, — срываюсь с места.

Не помню, как долетаю до гостиной, но стоит в нее войти, как возле серого кухонного гарнитура, расположенного в одной части комнаты, другую занимает диван с телевизорами и книжным шкафом, замечаю Лешу.

Муж, явно, чувствует себя хозяином в квартире папы, ведь варит кофе в турке. Терпкий запах касается носа, и рот сразу же наполняется слюной. Желудок сводит, за этот день из-за нервов мне не удалось даже пары бутербродов в себя впихнуть. Но стоит подумать о еде, тошнота встает в горле.

Стараюсь никоим образом не показывать свой дискомфорт, просто прохожу вглубь просторной комнаты со стенами, покрашенными в чуть более светлый оттенок, чем в коридоре, и плюхаюсь на мягкий темно-синего цвета диван подале от мужа. Не проходит и пару секунд, как я откидываюсь на спинку, прикрываю глаза и тру лицо.

Этот ужасный день когда-нибудь закончится?

Жаль, что вопрос так и остается риторическим. Зато пары минут тишины урвать получается. Удивительно, но пока

Леша готовит кофе, он не пытается со мной заговорить.

Вот только блаженство же не может длиться вечно, правда?

В какой-то момент надо мной нависает тень, а по телу проносится волна ледяных мурашек. Грудь сдавливают, горло сводит. Но даже несмотря на то, что я не могу нормально дышать, чувствую, что аромат кофе становится сильнее.

Нехотя разлепляю веки и вижу Лешу, нависающего на меня.

— Кофе? — муж протягивает мне белую кружку с сердечками.

Откуда он узнал, что это моя?

Неважно.

— Нет, спасибо, — вскакиваю на ноги.

Хочу подальше отойти от Лешы. Его присутствие словно наждачкой разрывает мои нервы. Но даже шага сделать не успеваю, ведь застываю, когда слышу:

— Что-то интересное увидела в комнате отца? — издевка отчетливо улавливается в голосе мужа.

Медленно оборачиваюсь. Сузив глаза, смотрю на Лешу.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю осторожно, словно боюсь получить ответ.

Леша не отводит от меня взгляда, когда делает глоток. Он словно намеренно тянет время, испытывая мое терпение. Я же впиваюсь ногтями в ладони, чтобы хоть немного сохранить самообладание.

— Видел женские туфли на высоченной шпильке в коридоре. Ты такие не носишь, — произносит спустя, кажется, вечность. — И... — криво ухмыляется, — красные кружевные стринги, висящие на ключнице, — в его глазах появляется странный блеск, — таких у тебя точно нет.

Это был намек на то, что я... ханжа? И вообще, откуда Леше знать, какие трусики у меня есть, а каких нет? Он же не лазил по ящику для нижнего белья у меня дома?

Еще большее отвращение разливается по венам. Но прежде чем хоть как-то удастся прокомментировать слова мужа, он меня опережает.

— Так что, думаю, Евгений Павлович... развлекся сегодня на славу, — самодовольно усмехается. — Она намного младше твоего отца, да? — чуть склоняет голову набок.

Кровь тут же приливает к щекам.

— Ну да, мой отец такой же блядун, как и ты, — выпаливаю и отвожу взгляд, чувствуя, как щеки буквально печет.

— А ты сама чем лучше? — в голосе мужа проскальзывает обычно несвойственная ему жестокость. — Строишь из себя святошу, а на деле сначала одним братом покрутила, а потом на другого прыгнула. Сашка оказался недостаточно хорош, чтобы ты за него замуж вышла, да?

Нестерпимая боль пронзает сердце. Все внутри словно в тугой узел скручивает, стоит мне услышать имя брата мужа. На глаза моментально наворачиваются слезы. Пожар ярости вспыхивает в груди, красная пелена застилает взор.

Не соображаю, что делаю, когда поворачиваюсь к Леше и... замахиваюсь.

Глава 6

Леша ловит мою руку на подлете к его лицу. В глазах мужа мелькает предупреждение, но оно меня не останавливает. В голове шумит, кровь в венах бурлит.

— Не смей! — цежу сквозь стиснутые зубы. — Слышишь, не смей! Я всегда любила твоего брата. И всегда буду любить!

Смотрю Леше прямо в глаза, поэтому замечаю, как в них мелькает яростная искра. Муж в один шаг сокращает расстояние между нами, черты его лица заостряются, а пальцы до боли сжимают мое запястье.

— Тогда почему...

— Что здесь происходит? — хриплый голос отца заставляет меня вздрогнуть, а Лешу прерваться.

Муж еще пару мгновений пронзает меня ненавидящим взглядом, после чего откидывает мою руку в сторону.

— Давай, — выгибает бровь. — Ты же хотела поговорить с... папочкой, — последнее слово буквально выплевывает.

Открываю рот, собираюсь сказать, куда он может засунуть свои указания. Но понимаю, что Леше не будет от этого ни горячо, ни холодно. Поэтому просто кривлюсь и разворачиваюсь на пятках.

Пока мы с мужем выясняли отношения, отец прошел на кухню, но кофе, как Леша, готовить себе не стал, решил

обойтись виски.

Он, одетый лишь в серые спортивные штаны, плескает в стакан янтарную жидкость, после чего ставит бутылку на столешницу и разворачивается. Для своих почти пятидесяти лет папа выглядит внушительно. Накачанная грудь, мускулистые руки, широкая спина. На его лице отросла приличная щетина, а волосы взъерошены. В принципе, понятно, почему та малолетка клюнула на папу. Но мне хочется лишь скривиться. Мог бы хотя бы одеться.

— Где твоя... гостья? — не знаю, почему хожу вокруг да около.

Наверное, потому что боюсь очередной боли из-за предательства со стороны еще одного близкого человека.

— Ждет меня, — отец опирается бедрами на столешницу кухонного гарнитура. — Пришлось ее успокаивать и объяснять, что ты моя дочь, а не ревнивая жена, — закатывает глаза и делает глоток виски. — Может, вы уже скажите, что вас привело ко мне в вашу брачную ночь, и я уже вернусь к... в постель? — в глазах отца мелькает блеск, значение которого я не хочу знать. Но все равно определяю в нем предвкушение.

Порочные картинки невольно вспыхивают перед глазами, вызывая тошноту. Приходится встряхнуть головой, чтобы от них избавиться.

— Почему он, — указываю головой в сторону мужа, который стоит у меня за спиной, — говорит, что этот брак для

меня выгоден? — внутри все сводит.

Отец замирает. Его рука со стаканом зависает в воздухе. Он бросает взгляд мне за плечо.

— Ты сказал ей? — сужает глаза, у меня внутри все ухает вниз.

Нет. Нет. Нет.

Я не хочу верить.

— А что мне оставалось делать? — Леша хмыкает. — Она собирается подать на развод, — не проходит и пары мгновений, как он плюхается на диван.

Краем глаза замечаю, что муж отпивает немного кофе с моей чашки.

— Аля, какой к черту развод?! — претензия звучит в голосе отца.

Именно из-за нее что-то взрывается внутри меня.

— Я его застала с другой прямо в нашу брачную ночь! — выпаливаю на одном дыхании.

Папа на мгновение застывает, после чего переводит взгляд на затылок моего мужа, который даже бровью не ведет.

— Алексей, ну это уже перебор, не мог хотя бы пару дней подождать? — поднимает стакан ко рту и делает глоток.

Муж пожимает плечами.

— Папа! — по телу проносится ледяная дрожь. — Он мне изменил и собирается дальше изменять.

— Я уже почти тридцать лет как папа, — отец строго

смотрит на меня. — И, Аля, я не думал, что ты такая наивная. Мужчины полигамны, если ты не заметила, — бросает взгляд к выходу, явно, вспомнив про малолетку, которая ждет его в спальне. — Не вижу причин для развода. Ты всегда хотела стать частью этой семьи. Вот стала. В чем теперь проблема?

— Да ничего я не хотела! — чувствую себя маленькой девочкой, которую собственный отец бросил на растерзание волку.

— Достаточно! — рявкает отец. Разворачивается и с громким стуком ставит стакан на стол, после чего подходит ко мне. — Ты же не маленькая, Аля. Понимаешь, что идеальных семей не бывает. Вспомни нас с мамой, — поджигает губы, боль мелькает у него в глазах, но быстро скрывается под безразличной маской. — У всех есть свои тараканы. Тебе просто нужно смириться с теми, что живут в голове у Алексея. Если хочешь иметь крепкую семью, конечно, — папа протягивает руку, похоже, хочет убрать с моей щеки прядь, но я отшатываюсь.

Не верю. Просто не верю, что родной отец может вот так просто предлагать мне смириться с изменами мужа.

Ну уж нет! Я не собираюсь позволять никому... ни мужу, ни отцу мной манипулировать!

— Я завтра же подаю на развод! — произношу на одном дыхании, сильнее стискивая кулаки.

— Если ты это сделаешь, то я буду вынужден защищать

интересы Алексея в суде, — огорошивает меня отец.

— Что? — выдыхаю, тело немеет.

— Ты не знаешь? — вздергивает брови папа. — Моя юридическая фирма теперь предоставляет услуги охранной компании твоего мужа. Мы с Алексеем пару дней назад подписали контракт. Так что... если дойдет до суда, то я буду не на твоей стороне, — отец пожимает плечами, засовывает руки в карманы штанов.

Всего мгновение смотрю на папу, неверяще хлопаю глазами, после чего перевожу взгляд на мужа, сидящего на диване и как ни в чем не бывало пьющим кофе.

Прикрываю глаза. Глубоко вздыхаю и... что-то внутри меня перещелкивает. Эмоции схлопываются. Распахиваю веки.

— А знаете что? — расправляю плечи. — Идите в задницу! Оба! — разворачиваю и широкими шагами направляюсь к выходу.

— Что сказал бы Саша, увидев тебя сейчас? — прилетает мне в спину голос отца.

Застываю.

Ледяная дрожь проносится по позвоночнику.

Болезненный спазм сокращает сердце.

Шумно выдыхаю.

Но не оборачиваюсь.

— Он сказал бы, что вы оба кабели, которые ни единой моей нервной клетки не стоите, — цежу и срываюсь с места.

Радуюсь, что не разулась, поэтому просто вылетаю на

лестничную площадку. Быстро пересекаю ее. Вызываю лифт, но решаю его не ждать. Бросаюсь к лестнице и несусь с пятого этажа на первый. Меня будто черти подгоняют. Сердце клокочет в груди. Как бы я ни пыталась отгородиться от боли предательства, она все равно пронзает каждую клеточку тела. Дышать становится ужасно трудно. Непролитые слезы жгут глаза.

Но я не позволяю себе разрыдаться.

Не позволяю себе сломаться.

Да, я потеряла двух самых дорогих людей на свете. В первый раз что ли? Переживу. Я сильная. Справлюсь.

Не помня себя, вылетаю на улицу. Бегу вперед, не следя, куда вообще направляюсь. Неожиданно застываю.

Что я творю? Ночь на дворе.

Нужно хотя бы вызвать такси, а не мчаться сломя голову по темной улице.

Вытаскиваю телефон из заднего кармана джинсов. Но даже не успеваю его разблокировать, как меня слепит яркий свет. На мгновение зажмуриваюсь, чтобы унять резь в глазах. Распахиваю веки. Свет все так же бьет в лицо. Поздно понимаю, что застыла посреди проезжей части. А ко мне приближается машина. Она несется на меня с бешеной скоростью и... кажется, не собирается тормозить.

Глава 7

Дыхание перехватывает. Ноги словно приросли земле. Мозг в панике кричит, что нужно бежать. Но тело не слушается. Я остолбенела. Все, что могу — это смотреть на свет фар, который становится все ярче и ярче.

"Машина сейчас меня собьет", — мелькает в голове издевательская мысль, когда я почти чувствую капот своими ногами.

Миг, и... тело отбрасывает в сторону. Жестко приземляюсь на землю. Из меня вышибает весь воздух. Боль пронзает голову, стреляет в ногу.

Зажмуриваюсь.

Жду еще чего-нибудь. Адской агонии или, наоборот, спокойствия, но этого нет и нет.

— ... пришлю адрес в сообщении. Найдите. Срочно, — долетает до меня будто издалека.

Я словно выплываю из-под толщи воды. Медленно. С трудом. Постепенно начинаю соображать. Прислушиваюсь к собственному телу. Щиколотка ноет, бедро огнем горит, спину ломит, голова пульсирует, руки саднят, но в остальном... я, кажется, в порядке. В порядке.

Выдыхаю.

И сразу же глубоко вдыхаю. Легкие жжет из-за нехватки воздуха, но ожидаемой агонии нет. Решаюсь открыть глаза.

Темно. Взор мутный. Но я все равно замечаю мощную фигуру, движущуюся туда-сюда передо мной. Моргаю. Еще раз. И еще. Только после этого взгляд более или менее фокусируется, и я понимаю, что передо мной мельтешит мой... муж.

— Ищите! — рявкает он, отклоняя вызов.

После чего прикрывает глаза. Именно в этот момент вспоминаю, что перед самым столкновением почувствовала жесткую хватку на своем запястье.

Соображаю сейчас туго. Кажется, после падения все мысли в голове перемешались. Но постепенно мне удастся подобраться к важной мысли.

Леша... он меня оттолкнул?

Вот только прежде чем я успеваю задать этот вопрос вслух, муж распахивает веки и смотрит на меня глазами, в которых читается истинное бешенство. Он брезгливо осматривает мое тело, прежде чем вернуться к глазам.

— Скажи, ты совсем идиотка? Или притворяешься? — рявкает он.

До меня не сразу доходят слова Леша, но как только осознаю их, возмущение вспыхивает в груди. Это из-за него я выскочила на дорогу! Это из-за него я чуть не попала в аварию! Это из-за него моя брачная ночь превратилась в ад на земле!

Слезы, которые я и так долго сдерживаю, жгут глаза, но не позволяю им пролиться. Собираюсь с силами. Опираясь на руки, сажусь. Голова кружится, виски пульсируют, в теле от-

даются отголоски боли, но все не так критично, как могло бы быть. Глубоко вздыхаю, стискиваю челюсти. Пытаюсь подняться, но стоит опереться на правую ногу, как в теле стреляет острая боль. Громко вскрикиваю и плюхаюсь обратно на мягкое место, из-за чего только усиливаю жжение в щиколотке и бедре. Перед глазами пляшут звезды, но я все равно вижу, как Леша дергается ко мне.

— Нет. Ты все-таки идиотка, — рычит, грубо хватая меня за плечо и резко поднимая.

На больную ногу, которую я подвернула или вывихнула — на перелом не похоже, стараюсь не опираться. Нужно проверить, что с ней... чтобы понять, как действовать дальше, но у меня даже толком пошевелиться не получается. Леша так сильно стискивает мою руку, что та отнимается. В глазах мужа полыхает настоящее пламя, на щеках играют желваки. Леша в ярости. Но почему?

— О чем ты, черт побери, думала, когда выбежала на дорогу? Так еще и стояла перед машиной, как тупая лань в свете фар! Ждала, пока тебя собьют? Вообще, мозги отшибло? — цедит он.

Каждое его слово пропитано гневом! Каждый взгляд говорит о едва сдерживаемой злости! И это заводит меня с пол оборота!

— А что такого? — буквально выплевываю ему в лицо. — Оказался бы ты не брошенным в первую брачную ночь, а вдовцом. Это не лучше?

Меня начинает трясти, то ли от страха, то ли от возмущения, то ли от обиды. Не понимаю, что чувствую, но все внутри меня буквально полыхает. Боль от поврежденной щиколотки проносится по телу огненной волной. Колени подгибаются, стоять удастся только благодаря тому, что Леша держит меня в вертикальном положении.

В голове шумит, перед глазами то и дело темнеет. Не знаю, как еще остаюсь в сознании. Наверное, меня поддерживает злость.

— Ты действительно думаешь, что я дам тебе развод? — голос мужа напоминает ледяное пламя.

Слыша его, начинаю дрожать еще сильнее.

— У тебя не будет выбора, крепостное право отменили много лет назад, — произношу хоть тихо, но твердо. — Я не собираюсь жить с мужем, который не может держать свой член в штанах. У меня есть работа, квартира, своя жизнь. Такой кобель, как ты, который трахается со всеми направо и налево, совсем не уважая меня, мне в жизни не сдался.

Мгновение, и лицо Леша приобретает нечитаемую маску. Холод в глазах усиливается, на губах появляется хищная ухмылка.

Муж дергает меня на себя, вдавливая в свое тело. На автомате наступаю на поврежденную ногу, стон срывается с моих губ. Приходится прикрыть глаза, чтобы хоть немного притупить острую боль. Но стоит мне их открыть, сразу же жалею об этом. Вглядываюсь в черные омуты Лешки и пони-

маю, что передо мной не человек, а дикий зверь.

— Знаешь, я был слишком мягким с тобой... слишком понимающим, — выдыхает он мне прямо в губы, понижая голос до хриплого зловещего шепота. — Надо было сразу запереть тебя дома и не выпускать, пока не одумаешься и не станешь покорной, — что-то мелькает в его глазах. Что-то, доказывающее мне, что он вполне мог так поступить. Живот скручивает в тугой жгут. — Касательно твоей работы и твоей жизни, я об этом позабочусь. Завтра же лишишься своей... самостоятельности, — жестко усмехается. — А по поводу того, с кем я трахаюсь. Ну что поделать, если тебе не нравится, то придется терпеть, — пожимает плечами. — Ты моя жена, и я покажу тебе, где твое место. Если хочешь сохранить хоть долю своей самостоятельности, то будешь делать то, что говорю. Если я скажу, раздвинешь передо мной ноги. Если скажу, будешь наблюдать, как я трахаюсь с другой. Если скажу, присоединишься. Тебе пора понять, что я — не мальчишка, с которыми ты раньше встречалась. И я — не мой брат, который чуть ли не облизывал тебя и не ел с твоих рук. Ты сама вышла за меня замуж, тебя никто не заставлял. И теперь тебе придется смириться с тем, какой я. Или я покажу тебе, что такое настоящий ад. Да такой, что этот день тебе раем покажется. Уяснила?

Глава 8

Этот гад меня запер.

Запер!

После того как меня чуть не сбила машина, и мне пришлось выслушать тираду мужа, он опять отвез меня в загородный дом.

Как бы я ни сопротивлялась, с больной ногой убежать все равно не получилось. Леша просто закинул меня на плечо и отволлок к себе в машину.

Я думала, он повезет меня в больницу, все-таки с ногой явно беда. Но нет, этому бесчувственному чурбану даже в голову подобное прийти не могло. Все, что он для меня сделал — отнес на второй этаж и притащил аптечку. Да, нужно отдать ему должное, он сам проверил ногу, видимо, хотел убедиться, что там нет перелома. Но забинтовать велел мне самостоятельно.

После чего исполнил свое обещание.

Как только я услышала поворачивающийся в замочной скважине ключ, ушам не поверила. Не верила до тех пор, пока не допрыгала на одной ноге до двери и не дернула ручку вниз.

Вот же придурок!

Но я сдаваться не собиралась!

Благо, при мне остался телефон. Вызвать полицию оказа-

лось несложно. Только когда они приехали... спустя полтора часа!... Леша просто вышел из дома и... поговорил с ними. После чего полицейские просто развернулись и уехали восвояси.

Я за всем этим действием наблюдала через окно, в которое муж заглянул перед тем, как войти обратно в дом.

Мне же оставалось лишь от бессилия осесть на пол.

"Я не понимаю, что с Лешей не так. Ты говорил, что он после того, как побывал в горячей точке, слишком сильно изменился... закрылся. Но обращаться с собственной женой, как с половой тряпкой — это уже перебор. Я же не сделала ему ничего такого. И ни в чем перед ним не провинилась."

Отправляю очередное сообщение Саше рано утром.

Я не спала всю ночь, пыталась понять, что делать. Попробовала позвонить девочкам с работы, чтобы те меня забрали, но никто не взял трубку. Наверное, это к лучшему — Леша бы им даже на территорию не дал заехать. Или еще хуже — своих "цепных псов", так называемых охранников, работающих у мужа, на ни в чем неповинных людей спустил.

Мама мужа за границей. Она даже на нашу свадьбу не смогла приехать. Поэтому звонить ей и просить, чтобы облагоразумила старшего сына, бесполезно.

Оставалось только одно — ждать утра.

Но вот солнечные лучи начинают проникать в комнату через окно, а этот гад все не появляется и не появляется. Желудок уже болезненно тянет от голода, да и сил почти не оста-

лось.

"Если хотел от меня избавиться, то лучше бы позволил машине меня сбить. Это хотя бы было быстро и более гуманно. Не то, что умирать от голода", — отправляю сообщение своему новоиспеченному муженьку и поднимаюсь на ноги.

Тело затекло и не держит меня. Но я все равно плетусь в ванную. Щелкаю выключателем, расположенным возле двери, которая ведет в небольшую светлую комнату, после чего переступаю порог. Мой взгляд сразу натывается на зеркало, висящее на выложенной белоснежной плиткой стене. Под ним находится каменная столешница с тумбой, в которую встроена раковина.

Удивительно, но свадебный макияж даже не потек, только волосы растрепались. Хотя, наверное, это не странно, потому что я не плакала. Очень бы хотелось разрыдаться, выпустить из себя все эмоции, позволить желанной пустоте растечься в груди. Но слез, как не было, так и нет до сих пор. Скорее всего, я уже давно их все выплакала, поэтому приходится смириться со спиралью из отчаяния, боли и страха, которая закрутилась внутри меня, и никак не хочет разжиматься.

Подхожу к раковине, сразу же включаю воду, беру мыло. Средства для снятия макияжа у меня, к сожалению, нет, поэтому ничего не остается, кроме как действовать по старинке. Приходится потрудиться, чтобы убрать с лица остатки туши, но я справляюсь. После чего бросаю взгляд на стеклян-

ную душевую кабину. Если я постою под горячими струями, может быть, мне станет легче?

Вот только ответ на этот вопрос найти не удастся, сначала я улавливаю тяжелые шаги, после чего слышу скрежет дверного замка.

Ковыляя, вылетаю из ванной. Вовремя. Леша с влажными волосами, одетый в домашние серые штаны и в белую футболку, как раз входит в спальню с подносом в руках. На нем замечаю небольшую белую чашку с коричневой жидкостью, а рядом тарелку, на которой лежит сэндвич.

— Ты мне пока живая нужна, — хмыкает, мой же мозг цепляется за слово "пока".

Но желудок, который болезненно режет, когда до меня долетает запах кофе, перетягивает все внимание на себя. Вот только я не позволяю себе сдвинуться с места. Пока Леша подходит к кровати и ставит поднос на тумбочку, бросаю взгляд на дверь... открытую дверь.

А что если...?

Мысль не успевает до конца сформироваться в голове, как я слышу жесткий голос мужа:

— Ну попробуй. Посмотрим, как далеко ты убежишь, — угроза пропитывает каждое его слово.

Перевожу взгляд на Лешу, хочу спросить, за что он так со мной, но прикусываю язык.

Какая разница?

Даже если у мужа есть подобие причины, чтобы вести се-

бя со мной как настоящая свинья, меня это не должно волновать.

Сейчас главное, выбраться из заточения хоть как-то.

— Мне нужно на работу, — выпаливаю первое, что приходит в голову.

— Не нужно, — чеканит муж, поворачиваясь ко мне. — Ты забыла? У нас медовый месяц. Это во-первых. А во-вторых, ты на больничном, — Леша опускает глаза к моей ноге.

Из меня же выбивает весь воздух.

— Ты не мог оформить больничный без меня, — тяжело сглатываю.

Бесполезно. Ком, застрявший в горле, остается на месте. И вдобавок, даже увеличивается в размерах, когда я вижу, как Леша вздергивает бровь, без слов говоря: "Да, ладно?".

— В любом случае, пока твоя лодыжка не придет в норму, тебя в операционную не допустят, — муж едва заметно пожимает плечами. — Так что, считай, я сделал тебе одолжение, — мгновение бесстрастно смотрит на меня, после чего разворачивается и идет обратно к выходу.

Дергаюсь за ним, чтобы не позволить запереть меня снова, но застываю, когда слышу:

— Кстати, мама вернулась в город и приедет сегодня на ужин. Будь готова к семи, — огорошивает меня Леша, останавливаясь в дверном проеме. Оглядывается через плечо. Смотрит на меня своими ледяными глазами. — Не дай бог, ты что-то выкинешь, — рычит, после чего захлопывает за

собой дверь.

Но не запирает ее, таким образом, показывая мне, что, как бы я ни старалась, от него убежать все равно не получится.

Глава 9

"Не дай бог, ты что-то выкинешь", — словно на повторе звучит у меня в голове, заводя меня до предела.

Леша решил, что он Бог? Думает, что ему все можно?

Ну раз так... Посмотрим, что он скажет, когда мы с Виолеттой Романовной... пообщаемся. Мать мужа я знаю давно. Раньше она была жизнерадостной женщиной, которая пекла самые вкусные пироги на свете — мы с Сашей постоянно дрались в детстве за последний кусочек. Но в последнее время я почти не узнавала ее. Сначала погиб муж женщины, потом старший сын ушел служить в горячую точку — хорошо хоть вернулся, — последней каплей стал Саша, в котором женщина души не чаяла. Похоже, удары, которые наносит человеку жизнь, могут не только сломать его, не говоря уже о том, что вытянуть весь позитив.

В последнее время Виолетте Романовне хуже, что, в принципе, неудивительно. В итоге, женщина собрала вещи и уехала в Грецию, где живет ее сестра. И почти забыла о прошлой жизни, но, похоже, наша свадьба с Лешей заставила женщину вернуться. Хотя странно, что она не приехала на церемонию.

Но это последняя из моих бед.

Сколько бы я ни думала о том, что мне делать дальше, ничего путного в голову не приходит.

Я все-таки позвонила на работу, где подтвердили, что на мое имя выписан больничный. Но, похоже, Леше оказалось этого мало. Со мной сегодня решил связаться мужчина, который сдает мне квартиру, где я живу много лет и исправно плачу квартплату, и спросил, когда у меня получится забрать свои вещи. Якобы мой муж позвонил ему и сказал, что я хочу разорвать договор. Конечно, я попыталась объяснить Степану Викторовичу, что собираюсь оставить квартиру за собой. Но мужчина и не думал вникать в мои проблемы. "Ему нужен стабильный жилец, а я сейчас таким не являюсь", — как он выразился. Что-то мне подсказывает, Леша рассказал мужчине не только о моем отъезде, а еще как-то надавил, но об этом история умалчивает.

Заведясь до предела, я снова подумала о том, чтобы вылезти через окно и сбежать, пока никто не видит, но, немного раскинув мозгами, взяла себя в руки.

Леша хочет, чтобы я осталась за ним замужем? Перехочет!

Целый день злость струится по моим венам. Не получается избавиться от нее, пока принимаю душ. С ее помощью с особым остервенением накладываю тугую повязку на поврежденную ногу. Гнев находится со мной в момент, когда я выбираю наряд для сегодняшнего вечера, останавливаясь на обычном белом платье с закрытым кружевным верхом и расклешенной юбкой. Оно даже чем-то свадебное напоминает. Иронично, учитывая, что у меня появляется еще одна идея.

Леша совершил колоссальную ошибку, оставив мне телефон. Чувствую себя злодейкой, когда захожу на ГосУслуги.

"Может, ты и думаешь, что всемогущий, но это не значит, что я не могу тебе доставить проблем", — мысленно злорадно хихикаю, пока ставлю свою подпись, а закончив, крепко сжимаю телефон в ладони. Еще раз бросаю на себя взгляд в зеркало на дверце шкафа-купе, занимающего почти всю стену напротив кровати и окна.

Темные волосы струятся по плечам и контрастируют с белым платьем. Глаза блестят от предвкушения, губы подрагивают. Лишь пушистые розовые тапочки, которые я не помню почему запихнула в сумку, когда по-быстрому собиралась загород, выбиваются из элегантно-злодейского образа.

Леша хочет, чтобы я подчинялась? Ну посмотрим, как он меня заставит. На кухне, если что, всегда найдутся острые предметы. А ими я умею управлять в совершенстве.

Кто-кто, а Леша должен хорошо меня знать, учитывая, сколько мы с ним знакомы. Да и понимать должен, что меня ему просто подчинить не получится.

В голове всплывает "предупреждение" мужа. Но я его сразу же отбрасываю.

Я, скорее, ему причиндалы отрежу, чем буду наблюдать за игрищами с другими бабами.

Хочет "поиграть" во властного мужа? Ну посмотрим, кто кого.

С этой мыслью я встаю с кровати, кладу телефон на

прикроватную тумбочку, последний раз смотрю на себя в зеркало, после чего, хромая, выхожу из комнаты, которую, несмотря на то что дверь была открыта, не покидала целый день.

Спуститься по лестнице с больной ногой оказывается совсем непросто. Когда я "доползаю" до холла, она жутко ноет, вдобавок еще и горит. Мда, а я еще сбегать хотела. Интересно, далеко ли убежала бы?! Нет, нужно быть хитрее.

Прикрываю глаза и пытаюсь абстрагироваться от пожара в конечности. Все-таки нужно показаться травматологу. Пусть хотя бы мазь какую-то выпишет.

Глубоко вздыхаю и почти обо всем забываю, когда до моего носа долетает потрясающий запах жареного мяса с розмарином. Желудок тут же начинает урчать, напоминая, что в нем сегодня, кроме сэндвича, принесенного мужем утром, ничего не было.

Распахиваю веки и сразу же направляюсь к ближайшей из двух деревянных дверей, которые находятся по левую сторону от лестницы. Нога все еще поднывает, когда я захожу на просторную кухню, посреди которой стоит огромный деревянный стол, покрытый темным блестящим лаком. За него задвинуто восемь стульев. По бокам множество шкафчиков как напольных, так и висящих на стенах. Похоже, из той же коллекции, что и стол. Я была тут много раз, но у меня все равно перехватывает дыхание, когда смотрю на окно, полностью заменяющее противоположную стену. Ведь передо

мною открывается потрясающий вид на густой лес, утопающий в ярко-красном закате. Не могу отвести глаз от такой красоты.

Не знаю, сколько стою, просто наслаждаясь видом, наверное, долго, ведь даже не слышу, как сзади ко мне кто-то подходит.

— Аля, — мягкий женский голос раздается совсем неожиданно. Вздрагиваю и успеваю обернуться лишь вполоборота, как оказываюсь в нежных объятьях.

— Как же я рада тебя видеть, — шепчет Виолетта Романовна, прижимая меня к себе крепче.

Мгновение не двигаюсь, в следующее — обнимаю женщину в ответ. Злость, которая подпитывала меня целый день, начинает утихать, освобождая место для печали. Мы так долго не виделись, а когда-то были действительно близки и общались почти каждый день. Непролитые слезы жгут глаза, в горле застревает огромных размеров ком. Не хочу отстраняться от Виолетты Романовны, но понимаю, что стоять вечно мы так не можем.

Даю себе еще секунду, чтобы насладиться спокойствием, а после делаю шаг назад. Больную ногу простреливает, когда я на нее опираюсь. Морщусь, из-за чего зарабатываю непонимающий взгляд от, получается уже, свекрови.

— Что случилось? — Виолетта Романовна, стоящая передо мной в голубом платье в белый горошек и с темными волосами, затянутыми в тугую гульку на затылке, опускает

взгляд, но не проходит и секунды, как вздергивает его и вопросительно смотрит на меня.

— Несчастный случай, — хочется рассказать женщине все, поделиться с ней тем, как поступил со мной Леша, но что-то меня сдерживает.

Может, это отражение печали в глазах Виолетты Романовны. Либо глубокие морщины на лбу и возле глаз женщины, которых раньше не было. А может быть немного осунувшееся лицо.

Да, от жизнерадостности Виолетты Романовны не осталось следа.

У меня внутри все сжимается, ведь я чувствую отголоски той боли, которая поражает ее.

— Нужно быть аккуратнее, — свекровь качает головой, выдавливая из себя улыбку. — Кстати, прости, что не смогла приехать на свадьбу. У нас шторм поднялся, и из-за непогоды задержали рейс. Но предлагаю сегодня отпраздновать, что ты, наконец, стала членом нашей семьи. Я даже ужин приготовила, пока ты спала, — где-то в глубине глаз женщины замечая ту самую теплоту, которой мне в последнее время так не хватало.

Мне жаль, что придется уничтожить ее. Но врать Виолетте Романовне и делать вид, что у нас с Лешей все в порядке, я просто не могу.

Все внутри заливает. Впиваюсь ногтями в ладони, открываю рот, чтобы сказать женщине, что семьей нам все-таки не

быть, как до меня доносится голос подходящего к нам практически вплотную мужа:

— Праздника не будет, мама. Моя жена сегодня подала на развод. Видимо, поняла, что сделала ставку не на того брата.

Холодок проносится по позвоночнику, когда я осознаю слова Леша.

Тревожная мысль вспыхивает у меня в голове:

"Черт. Я не думала, что муж так быстро узнает о поданном мною заявлении."

Но ее тут же перебивает следующая:

"Какого хрена, он постоянно попрекает меня Сашей? Ведь уже прошло три месяца, как его нет с нами".

Глава 10

Прикрываю глаза, но все равно чувствую удивленный взгляд Виолетты Романовны на себе. Кожа будто стягивается. Щеки горят. Сердце гулко бьется в груди.

Хочется провалиться под землю.

Я собиралась сама во время ужина заявить мужу при его матери, что наш брак был ошибкой, и я подала на развод. Но Леша все перевернул так, будто это я во всем виновата. Вот только я ничего такого не сделала. Это муж решил, что может вести себя, как последняя скотина, а я должна терпеть. Не должна. Не на ту нарвался...

— Аля, — мягкий голос Виолетты Романовны проникает в затуманенный непонятно откуда взявшейся различного рода мыслями мозг.

Заглядываю свекрови в глаза, вижу их голубизну, такую же, как была у Саши. Миг, и в голове вспыхивает его тихий, обессиленный голос:

— Аля, послушай, я знаю, что у тебя всегда были чувства к моему брату, — мой лучший друг, слишком бледный и лежащий на больничной койке, закашлялся. Зато мои наполненные слезами глаза широко распахиваются. Я вытягиваюсь словно струна на стуле, собираюсь возразить, но Саша меня опережает: — Не смотри на меня как олененок в свете фар, — он пытается улыбнуться, но у него не хвата-

ет сил. Лишь уголки его губ дергаются. — Мы же с тобой каждый день общаемся. Думаешь, я не замечал? — хмыкает, протягивает ко мне открытую подрагивающую ладонь, в которую я тут же вкладываю свои пальцы. Саша моментально их сжимает и опускает рядом с собой на матрас, а я чувствую... холод. Господи, какие у него холодные руки. Огромных размеров ком встает в горле. — Мне кажется, я знаю тебя даже больше, чем ты сама. Знаю даже то, что ты скрываешь от себя самой, — произносит тихо, но удивительно твердо. — Так вот, я к чему. Леха кажется холодным, даже жестоким. Но это только с виду он такой. Я знаю его всю свою жизнь. Мой брат... он... — Саша отводит взгляд в сторону, вперяет его в стену, — на брата слишком много всего навалилось. Кое-что ты знаешь, кое-что нет. Прости, что не могу тебе даже сейчас рассказать обо всем. Это не моя тайна, и я обещал ее унести с собой в могилу, — усмехается, словно рассказал какую-то смешную шутку. Я же вздрагиваю. Саша еще какое-то время смотрит в стену, а потом снова обращает взор на меня. — Я знаю, что это не очень честно по отношению к тебе, но я все равно попрошу. Своего рода последняя просьба умирающего. — Не выдерживаю, открываю рот, чтобы попросить не говорить так. Мы найдем способ... мы справимся, но Саша едва заметно качает головой, прерывая меня. — Мы учились вместе, и ты знаешь, что осталось... недолго. Должно случиться чудо, чтобы для меня нашли подходящее сердце.

А ты знаешь, я не верю в чудеса, — он на мгновение закрывает глаза, проводит по слишком пересохшим губам, прежде чем распахнуть веки. — В общем, прости, но я все равно попрошу. Когда я уйду, не оставляй его. Я знаю брата, он ментально закроется от всего мира. Станет еще более холодным и отчужденным. Ему будет нужно, чтобы кто-то был рядом... чтобы он мог чувствовать хотя бы немного человеческого тепла. Поначалу Леха будет тебя отталкивать, выгонять. Но постепенно он сдастся, станет открываться. В итоге, подпустит тебя к себе. Поэтому не сдавайся, пожалуйста, и не бросай его, пока это не произойдет, — судорожно вздыхает, а мне почему-то кажется, что Саша знает, о чем говорит. Будто уже через все это прошел. Но задать вопрос не успеваю. — Я знаю, что тебе тоже будет больно, моя хорошая, — слабо пожимает мою руку. Совсем слабо. — Поэтому вы сможете поддержать друг друга. Поможете друг другу пройти через горе. Возможно, даже сойдетесь. — Отголоски боли мелькают у него в глазах? Но через мгновение они бесследно исчезают. — Но тут дело за вами обоими — я лезть не буду. Лишь попрошу тебя все-таки дать мне обещание, что не оставишь моего брата. С него такое я взять не смогу, этот упертый баран не согласится, а ты никогда не могла мне отказать, — самодовольно хмыкает. — Обещаешь? — выгибает бровь, глядя мне прямо в глаза.

Горло сдавило с такой силой, что, кажется, я не смогу

выдавить из себя ни слова, но, в конце концов, тяжело сглатываю и сиплю произношу:

— Обещаю, — киваю в подтверждение.

— Отлично, — облегченно выдыхает Саша. — А теперь расскажи мне, как прошла операция Степаненко.

Саша, что же ты наделал? Именно из-за твоей просьбы я подпустила Лешу так близко... слишком близко. Ты знал, что я тебя любила. И был прав, я бы никогда не отказала тебе, особенно, в последней просьбе. Но из-за этого мне стало еще больнее.

Судорожно вздыхаю. Запах мяса, о котором я всего пару минут назад мечтала, бьет в нос. Желудок скручивается, холодный пот выступает на лбу, тошнота подкатывает к горлу. Прикрываю рот рукой и срываюсь с места.

Игнорирую режущую боль в щиколотке, не глядя, огибаю Лешу. Хромая, несусь в туалет, находящийся под лестницей. Стоит мне забежать в маленькую узкую комнатку и упасть на колени, меня выворачивает.

"Кажется, зря я весь день ничего не ела", — мелькает в голове, когда я оседаю на пол.

Прислоняясь затылком к холодной стене, покрытой черно-белой плиткой, чувствую, что мне становится легче.

Даю себе пару мгновений на то, чтобы прийти в себя, но уже в следующее — понимаю, что как бы Леша ни пытался меня сломать, я не собираюсь сдаваться.

"Прости, Саша. Но если я не брошу твоего брата, он сло-

мает меня", — с этой мыслью поднимаюсь на ноги, умываюсь в мини-умывальнике у двери, прополаскиваю рот и выхожу из туалета.

На кухню возвращаться даже не думаю и мстить мужу тоже больше не хочу. Он уже показал мне, что наши силы не равны. Самое правильное решение в моем случае будет просто уйти и никогда не возвращаться.

Прохожу мимо двери кухни, собираюсь подняться на второй этаж за вещами и телефоном, как застываю, когда слышу грозный рык Леши:

— Мама, это не твое дело!

— Не мое, значит?! — взвизгивает Виолетта Романовна. — Ты женился на девушке своего брата. Я не так тебя воспитала... — свекровь резко обрывается. Но не проходит и секунды, как не своим голосом, настолько он шокированный, произносит: — Только не говори, что ты сделал это из-за завещания.

Глава 11

Все внутри меня леденеет. Ноги словно прирастают к полу. Тело не слушается. Даже если бы я хотела сдвинуться с места, у меня все равно ничего бы не получилось.

Но я даже не пытаюсь пошевелиться. Вся превращаюсь в слух. Лишь залетные мысли иногда вспыхивают в голове. И все они крутятся вокруг одного.

Завещание? Какое завещание? О чем они говорят?

Столько вопросов и ни одного ответа. Именно поэтому я как стояла на месте, так и стою. Кажется, проходит вечность, а на деле всего мгновение, прежде чем слышу рев мужа:

— Мама, не лезь не в свое дело!

— Как ты со мной разговариваешь? — свекровь не пугается гневного тона сына. — Не забывай, что я тебя все-таки родила. Двадцать часов мучалась...

— Не начинай, — обреченно вздыхает Леша. — У меня все под контролем, — произносит хоть обессиленно, но все-таки твердо.

— Я вижу, — хмыкает Виолетта Романовна. — Аля на развод подала, даже дня замужем за тобой не побыв. Что ты натворил?

По телу волна за волной прокатывается мелкая дрожь, пока на кухне звенит тишина. Неужели, Леша сейчас признается во всем маме и поведает ей о своей гулящей натуре? Или

все же попытается ее скрыть?

Оказывается, ни то и ни другое. Инициативу на себя снова берет свекровь.

— Не говори, я все поняла, — осуждение слышится в голосе женщины. — Ты похож на отца больше, чем думаешь, — бросает сыну Виолетта Романовна. Но на этом не останавливается, лишь тише добавляет: — И намного больше, чем хотел бы.

— Ну да, — вмиг вспыхивает Леша. — У нас в семье только Саша святым был, — выплевывает, а у меня брови ползут вверх.

Я в первый раз слышу, чтобы муж с такой злостью отзывался о своем брате.

— Не смей! — вдруг неожиданно рявкает свекровь. Вздрагиваю. — Твоего брата уже нет с нами, поэтому не смей говорить о нем в таком тоне.

— То, что он умер, не причисляет его к лику святых, — равнодушно произносит Леша, из-за чего уже я начинаю злиться. Саша заботился о своем брате даже перед смертью, а этот гад не может всего лишь должного уважения ему выказать. Дергаюсь в сторону, собираясь ворваться на кухню и высказать все, что думаю о муже, прямо ему в лицо, но заставляю себя замереть, когда слышу уже более тихие слова Леша:

— Он оставил после себя столько проблем, что я до сих пор разгрести их не могу.

Проблем? Каких проблем? Ничего не понимаю. Желание войти на кухню и все выпытать у новоиспеченного муженька только усиливается. Приходится впиться ногтями в ладони, чтобы вернуть себе здравомыслие.

— Я уверена, что он хотел, как лучше, — стоит на своем Виолетта Романовна.

Меня не покидает ощущение, что эти двое говорят на каком-то своем, понятном только им языке, и я сколько бы ни пыталась вникнуть в смысл их разговора, у меня ничего не получается. Но это не значит, что я не постараюсь это сделать.

— Бабу он хотел! Бабу! Поэтому ему крышу окончательно и снесло, — гневно цедит муж, после чего раздаются тяжелые шаги. Мне на этот раз приходится прикусить щеку, и, похоже, я перебарщиваю, ведь во рту чувствуется металлический привкус.

Стараюсь размеренно дышать. Правда, стараюсь. Но то, как Леша отзывается о собственном брате бесит до безумия. Не знаю, каким чудом мне еще удастся сохранять самообладание. Возможно, это желание узнать всю правду помогает мне более или менее держать себя в руках.

— Сынок, я знаю, что вы с братом всегда были разными, — голос Виолетты Романовны становится удивительным мягким, будто женщина пытается сделать все, чтобы донести до старшего сына свою мысль. — Но я также знаю, что Саша никогда никому ничего плохого не желал. Если он что-то

делал, значит, считал, что это кому-то поможет.

— О-о-о, обязательно поможет, — сарказм пропитывает каждое слово мужа. — Но только не его семье, — фыркает. — Все! Хватит разговоров! Это просто демагогия! Мне нужно было решить проблему, которую создал мой брат, и я ее решил.

— Но не за счет же бедной девочки, — почему-то мне кажется, что Виолетта Романовна качает головой.

— Не обманывайся, мама! Не такая уж она и бедная! Даже года с момента гибели брата не прошло, а она уже на меня переключилась. Думаешь, бедные девочки так поступают? — Леша жестко усмехается.

Все! С меня хватит!

Срываюсь с места. Игнорируя уже во всю пылающую щиколотку, несусь на кухню. В рекордные сроки преодолеваю расстояние до нее, залетаю в дверной проем и вперяю гневный взгляд в мужа, который стоит, прислонившись бедрами к столу, и до побеления костяшек пальцев сжимает край столешницы. На лице у Леша отражается сущая ярость. Кажется, что он контролирует себя из последних сил. Муж настолько зол, что даже его ноздри раздуваются как бешеные.

Виолетта Романовна держится чуть поодаль от сына, словно чувствует, что сейчас лучше не попадать под его горячую руку, а то можно головы лишиться.

Но я никогда не была настолько мудрой, как она. Сама понеслась к голодному тигру. Осталось только к нему в пасть

прыгнуть.

Стоит мне переступить порог, Леша вперяет в меня полный ненависти взгляд. Чем дольше я стою напротив, тем сильнее его глаза сужаются.

— Подслушивала? — в итоге, хмыкает он. — А ты знаешь, что подслушивать некрасиво? — выгибает бровь. В его взгляде считывается: "И почему я не удивлен?".

Раньше, возможно, меня бы задело такое пренебрежительное отношение Леша, но сейчас, когда он четко и понятно высказал, что думает обо мне, мне стало плевать. На все.

Только одна вещь меня волнует.

— О каком завещании вы тут разговаривали? — сильнее впираюсь ногтями в ладони, пытаюсь выдержать тяжелый взгляд мужа, который пронзает меня насквозь.

Глава 12

Сажу на переднем сидении машины мужа и чувствую, как нервные окончания едва ли не потрескивают от напряжения. Кончики пальцев пульсируют, кожа зудит. Дышать становится почти невозможно.

Я очень удивилась, когда сегодня утром увидела Лешу, как всегда, в черном деловом костюме за рулем. Интересно, почему он решил ехать без водителя?

Вчера муж всего лишь заявил: "Хочешь узнать, что за завещание? Будь готова завтра к девяти утра.", после чего вышел из кухни, оставив нас с Виолеттой Романовной вдвоем.

Мы какое-то время просто молча смотрели Леше вслед, после чего свекровь предложила меня накормить. Я не отказалась.

Во время нашего тихого, почти семейного ужина мы разговаривали обо всем, кроме завещания. Хотя, признаюсь, я пыталась аккуратно "вытащить" из Виолетты Романовны информацию. Женщина отделалась лишь фразами: "Я сама толком не знаю, что там. Саша только Леше сказал" и переключилась на мою работу.

Разошлись мы уже ближе к двенадцати. Бессонная ночь и полный желудок сморили меня мгновенно. Я едва успела завести будильник и сразу вырубилась. Ни разу за ночь не просыпалась.

Вот только когда утром открыла глаза, оказалась накрыта одеялом, хотя точно помнила, что засыпала на нем, а не под ним. Решив, что, скорее всего, просто замерзла ночью и укуталась, выбросила эту мысль из головы.

Зато сейчас всякие "теории заговора" лезут в голову. Я додумалась даже до того, что это Леша приходил ночью и укрыл меня. А все потому, что сидеть в тишине больше часа очень утомительно. Даже Виолетта Романовна, которая первое время пыталась завести разговор ни о чем, в итоге, замолкла.

Я же вообще не понимаю, что происходит.

Такое чувство, что меня поместили в какую-то игру, а я не знаю правил, не говоря уже о том, как победить.

Тысячи вопросов вертятся в голове.

Какое, к черту, завещание? Что Саша натворил? Почему Леша так зол на брата? При чем здесь я? Почему Виолетта Романовна считает, что ее старший сын женился на мне из-за этого завещания?

Вот только ни на один из вопросов получить ответ мне не удастся. Поэтому приходится прикусить губу, все дорогу смотреть в окно и ждать, когда же все это недоразумение разрешится.

Благо, ехать нам остается недолго. Буквально через минут десять Леша тормозит перед пятиэтажным старинным зданием, после чего выходит из машины. Я выбираюсь следом, пока муж помогает покинуть салон автомобиля своей мате-

ри. Холодный воздух тут же окутывает меня, становится зябко, хотя я вроде бы тепло оделась. Вот только ни свободные черные брюки, которые прикрывают повязку на ноге, ни бордовый свитер, не помогают согреться. Возможно, все внутри заледенело не из-за ветра. Ведь тревога не покидает меня, даже когда я, прихрамывая, захожу за мужем и его матерью в старинную парадную с огромными потолками, широкими лестницами и гулким эхом. Муж с матерью, которая сегодня одела черное элегантное платье в пол с рюшами на рукавах и вороте, а на плечо повесила маленькую сумочку, смотрятся здесь вполне уместно. Зато я чувствую себя чужой. Не помогает даже то, что на первом этаже мы заходим в якобы одну из квартир — лишь черная вывеска с золотой надписью "нотариус" на металлической двери показывает, куда именно мы пришли.

У меня брови ползут на лоб, когда я переступаю порог и оказываюсь в небольшом узком помещении с теплым светом, которое больше комнату ожидания напоминает из-за деревянных лавочек, установленных у стен. Странно, но людей нет совсем. Чуть поодаль виднеются две двери: одна прямо перед нами, а вторая сбоку. Та, что находится напротив входа, открыта, поэтому получается рассмотреть сразу несколько столов, которые расставлены в открытом пространстве. Из работников замечаю лишь светловолосую девушку, сидящую, похоже, на своем рабочем месте с кружкой кофе в руках. Она уставилась в стену и, явно, находится в

прострации.

Но, как я поняла, ее не придется "будить", ведь муж подходит к двери, установленной сбоку, и нажимает на кнопку рядом с ней. Уже через мгновение раздается противный протяжный писк, и Леша хватается за ручку. Распахнув дверь, муж сначала пропускает вперед свою мать, потом, прищурив глаза, смотрит на меня. Когда я прохожу мимо мужа, чувствую себя максимально неудобно, но стараюсь не обращать внимания на мурашки, вмиг покрывающие кожу. А стоит переступить порог, как вообще обо всем забываю, ведь оказываюсь в просторном с бежевыми стенами кабинете, который визуальнo разделен на две части. В одной части, ближайшей к входу, расположен круглый деревянный стол, за который задвинуты четыре мягких коричневых кресла на колесиках. Во второй — стоит Г-образный дубовый стол, за которым устроился мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме и с начинающей проявляться лысиной. Как только, видимо, нотариус видит нас, сразу встает, демонстрируя нам свой невысокий рост, и направляется в нашу сторону.

— Алексей Дмитриевич, рад вас снова видеть, — мужчина сначала кивает моей свекрови, потом мне, после чего останавливается на моем муже.

Леша огибает меня, пожимает руку нотариусу — тот едва достигает шеи мужа, после чего выдвигает одно из кресел для матери.

— Петр Павлович, давайте начнем. У меня мало времени,

— чеканит Леша, в то время как Виолетта Романовна садится на место, предложенное сыном.

— Да, конечно. Сейчас принесу завещание, — мужчина, у которого на лбу выступил пот, разворачивается на пятках и направляется к сейфу, установленному в углу за его столом, недалеко от окна.

Я же мнусь с ноги на ногу, до сих пор не понимая, что здесь делаю. Как только свекровь устраивается, Леша обходит стол и выдвигает еще один стул. На этот раз смотрит на меня.

"Вот это галантность", — мелькает ехидное в мыслях.

Всего мгновение не двигаюсь, после чего отталкиваюсь от пола. Если Леша хочет, чтобы я была, как я поняла, на оглашении завещания, то почему бы и не воспользоваться ситуацией, чтобы узнать правду. Вот только к месту, выбранному для меня мужем, не подхожу. Сажусь сбоку от Виолетты Романовны. Леша хмыкает, но ни слова не говорит. Занимает "предназначенное мне" место, а уже через мгновение возвращается нотариус.

Он не садится на единственное свободное кресло, а становится за его спинкой, кладя на стол пухлый конверт и ножницы, после чего переплетает пальцы и окидывает взглядом всех присутствующих.

— Для начала хочу представиться всем присутствующим. Меня зовут Прохоров Петр Павлович. Я нотариус, которому было вверено огласить завещание Романова Александр

Дмитриевича, — несмотря на то, что мужчина выглядит немного взволнованным, голос его не дрожит. — Перед тем как я приступлю к процедуре, не могли бы предоставить мне свои паспорта, чтобы я удостоверился в присутствии всех наследников.

Растерянность моментально пронзает меня, когда я понимаю, что не взяла документы. Да и какая из меня наследница? Я, скорее всего, просто сторонний наблюдатель. Но все чувства тут же сменяются возмущением, стоит увидеть, что Леша протягивает нотариусу сразу два паспорта, один из которых, скорее всего, мой. Ведь свекровь свои документы достает из сумочки. Прикусываю язык, чтобы не сказать лишнего. Позже, "уточню" у мужа, откуда у него мои документы.

Нотариус поочередно проверяет все паспорта, сверяя фотографии с людьми в кабинете, после чего складывает красные книжечки в стопочку.

— Я верну их вам после того, как мы внесем ваши данные в протокол, и вы подпишите его, — чеканит Петр Павлович и берет конверт с ножницами. — Приступим к вскрытию завещания Романова Александра Дмитриевича, — бормочет нотариус, аккуратно отрезая короткую сторону конверта и доставая оттуда несколько листов, скрепленных между собой. — Сейчас я зачитаю последнее волеизъявление Александра Дмитриевича, — нотариус прокашливается. Не проходит и пару секунд, как профессиональным тоном продолжает: —

Я, Романов Александр Дмитриевич...

Стоит мне в очередной раз услышать имя лучшего друга, не выдерживаю. Безэмоциональная маска, которую я натянула на себя, спадает. Боль потери, с которой я пытаюсь справиться последние три месяца, возвращается с огромной силой. Прикрываю глаза и стараюсь отстраниться от бубнежа нотариуса.

Не понимаю, зачем Леша меня сюда привел? Поиздеваться? Я и так знаю, что Саша умер. Зачем мне слушать его последнюю волю? На момент его гибели я даже членом его семьи не была. Да, мы дружили почти всю свою жизнь. Но на этом все.

Краем уха улавливаю, что квартиру и деньги, которые хранятся на банковском счету, друг оставил своей матери. Его коллекционная машина, называемая мною "развалюхой", потому что постоянно ломалась, и Саше приходилось постоянно ее чинить, переходит брату. Нотариус озвучивает еще какие-то мелочи, которые мой мозг даже не фиксирует. Я концентрируюсь лишь на том, чтобы не разреветься здесь и сейчас — все-таки рана в груди из-за потери лучшего друга все еще кровоточит.

— ... принадлежащие мне акции компании "CapSecurity" завещаю разделить на две равные доли. Одну — передать моему брату — Романову Алексею Дмитриевичу, вторую — Архиповой Альбине Евгеньевне.

Как только слова укладываются в голове, внутри все хо-

лодеет.

Распахиваю веки. Вперяю шокированный взгляд в нотариуса.

— Подождите, что? — произношу словно не своим голосом, настолько он хрипит.

Глава 13

Нотариус поднимает взгляд на меня.

— Вы не расслышали? Я повторяю, — мужчина снова смотрит в документ. — Принадлежащие мне акции компании "CapSecurity" завещаю разделить на две равные доли. Одну — передать моему брату — Романову Алексею Дмитриевичу, вторую — Архиповой Альбине Евгеньевне.

Вроде бы слова нотариуса мне понятны, но никак не хотят укладываться в голове. Все правильно: Саша оставил мне акции компании, которую когда-то давно создал отец и которой сейчас управляет мой муж?

Муж...

Так вот почему Леша женился на мне? Неужели, он все это время знал, что Саша завещал акции мне?

Сердце болезненно сжимается. А как же наши три месяца, которые мы провели вместе, поддерживая друг друга... помогая друг другу справиться с утратой? Все это было ложью? Хитроумным планом, чтобы... чтобы что? Чего именно добивается Леша? Он хочет оставить компанию в семье? Продолжать ею управлять? Так на его власть вряд ли кто-то покусится. Насколько я знаю, с "наследством", которое оставил Леше брат, у того теперь контрольный пакет акций, что максимально укрепит его позиции. Вот только, очень похоже на то, что Леше нужно все, в том числе... моя доля. Да пусть

забирает! Плевать! Мне ничего и никогда от Саши не было нужно. Это все равно не вернет моего лучшего друга.

— Также Александр оставил вам письмо, — кое-как через туман в голове ко мне пробивается голос нотариуса.

Поднимаю голову как раз вовремя, чтобы заметить, что мужчина проворно огибает стол со стороны свекрови, после чего останавливается возле меня и протягивает мне почти такой же конверт, в котором лежало завещание, только поменьше.

Тяжело сглатываю.

Смотрю на белую бумажку и не уверена, хочу ли знать, что в ней находится. Прекрасно понимаю — Саша оставил мне послание, но боюсь, что оно в очередной раз перевернет мою жизнь с ног на голову... всковырнет раны, которые не успели зажить. Даю себе секунду на размышление и осознаю — я не смогу оставить его непрочитанным. Все-таки Саша что-то хотел мне сказать перед тем как... уйти. Это его последние слова.

Судорожно вздыхаю, одним движением выдергиваю конверт из коротких пальцев нотариуса и прижимаю его обеими руками к груди.

Слезы застилают взор. Нос закладывает. Дышать удастся с трудом. Чувствую на себе прожигающий насквозь взгляд. Точно знаю, кому он принадлежит, но не реагирую. Не могу. Где-то на краю сознания отмечаю, что нотариус возвращается к своему месту, продолжает зачитывать последнюю волю

моего лучшего друга, вот только я все равно ничего не разбираю. Мысли превратились в вязкий клубок, из которого не удастся ничего путного вытащить. Единственное, о чем я могу думать, это о том, чтобы прочитав последнее, что хотел сказать мне Саша.

Поэтому, как только улавливаю фразу: данное завещание составлено в двух оригинальных экземплярах..., — вскакиваю на ноги, бормочу "простите" и вылетаю из кабинета. Оглядываюсь по сторонам, благо в коридоре до сих пор пусто. Присаживаюсь на первую попавшуюся лавочку, трясущимися пальцами раскрываю конверт. Вытаскиваю оттуда белый лист, сложенный несколько раз и... прикрываю глаза. Мне требуется пару секунд, чтобы собраться силами, ведь не сомневаюсь, меня ждет очередная порция боли.

В последние пару месяцев я держалась лишь благодаря Леше, который был рядом и помогал мне справиться с адом, который принесла за собой потеря лучшего друга. Но стоило понять, что муж преследовал свои цели, стена между реальностью и страданиями рухнула, позволяя последним полностью поглотить меня. А сейчас станет еще хуже... Я в этом не сомневаюсь. Поэтому приходится сделать несколько глубоких вдохов и медленных выдохов, прежде чем распакиваю веки, разворачиваю письмо и сосредотачиваюсь на корявом размашистом почерке друга — истинного врача.

Аля, приветик.

Знаю-знаю, ты сейчас в недоумении и, скорее всего, хо-

чеешь наступать мне по голове чем-нибудь тяжелым за все, что я все провернул за твоей спиной.

Ты права, это мой хитроумный план. Только я не скажу тебе, каких результатов хочу добиться ;)

И, кстати, это не последнее мое письмо тебе. Так что готовься, ты получишь следующее.

А в этом я попрошу тебя не отказываться от наследства ни под каким предлогом. Я знаю своего брата, он будет всеми силами пытаться удержать компанию отца только в своих руках. Будет вгрызаться в нее зубами. Но поверь мне, ему это не нужно.

Ты же помнишь нашу любимую фразу: "один брат лечит, другой — калечит"? Меня уже нет с вами, поэтому роль "лекаря" тебе придется взять на себя.

С Лешей иногда нужно спорить, ты же ни разу не видела, насколько он может быть безжалостным... и не только в работе. :(А раз меня больше нет, только ты сможешь с ним справиться. И не спорь! Я знаю вас обоих. Ты же не откажешь мне в еще одном "последнем" предсмертном желании, правда?

Я уже по тебе безгранично скучаю, Саша.

Слезы брызгают из глаз.

Крупные капли падают на лист, размывая синие чернила. Быстро стряхиваю влагу с листа, складываю его, не позволяя слезам уничтожить послание Саши. Засовываю письмо сначала в конверт, а потом в карман. Двумя резкими движе-

ниями стираю влажные дорожки со щек... как раз вовремя. Дверь, из которой я недавно выбежала, распахивается.

Мне даже не нужно оборачиваться, я и так знаю, кто последовал за мной в коридор. Стоит мужу оказаться рядом, как мою кожу буквально стягивает.

Леша в один широкий шаг преодолевает расстояние до меня, нависает надо мной, загораживая собой свет.

— Довольна? — невесело усмехается муж. — Ты узнала, что за завещание, — последнее слово буквально выплевывает.

Мне требуется все мое самообладание, чтобы подавить язвительность, которая рвется из меня. "Последняя" просьба Саши крутится в голове, пытаюсь найти подходящую полочку для себя.

— Что тебе от меня нужно? — поднимаю голову, заглядываю в исказившееся от гнева лицо мужа.

Леша еще сильнее сужает глаза, какое-то время пронзительно смотрит на меня, после чего один уголок его губ ползет вверх:

— Хочешь развод? — выгибает бровь. — Тогда продай мне долю в компании отца, которую тебе оставил мой брат.

Глава 14

— Нет, — выпаливаю еще до того, как успеваю подумать.

На лице Леша сначала всего мгновение не отражается ни единой эмоции, а в следующее — муж сужает глаза.

— Во-о-от значит как, — тянет, а у меня по позвоночнику пробегает холодок. Не нравится мне его тон. Не нравится, и все тут.

— Да, — глубоко вздыхаю. Собираю в себе остатки сил. Не чувствуя ног, встаю и оказываюсь слишком близко к Леше. — Так, — даже несмотря на то, что у меня по коже ползут ледяные мурашки от настолько близкого нахождения мужа, не позволяю себе отвести взгляд.

Саша попросил меня ни под каким предлогом не отдавать акции его старшему брату. А я знаю своего лучшего друга — он никогда не делал ничего без причины. У Саши всегда был план, и я не могу подвести его сейчас, когда он уже не сможет внести корректировки.

Горло сводит стоит снова подумать о том, что моего лучшего друга нет с нами. Но я не позволяю себе впасть в отчаяние. Намеренно расправляю плечи, показывая Леше, что у него не получится меня прогнуть, и вглядываюсь в его карие глаза, которые от бури эмоций, явно, бурлящей в муже, стали почти черными.

— Не думал, что ты мазохистка, — хмыкает Леша, вмиг

сокращая разделяющее нас расстояние и за талию притягивая меня к себе.

Я опомниться не успеваю, как меня вдавливают в тело мужа. А Леша заковывает мою талию в стальные оковы из своих рук.

Кожей чувствую тепло, исходящее от мужа. Оно заставляет меня "гореть", помогает очухаться от потрясения. Дергаюсь в сторону, вот только даже с места не получается сдвинуться — с силой мужа у меня вряд ли получится тягаться.

— Пусти, — шиплю, совсем как дикая кошка, и вздергиваю голову, восстанавливая зрительный контакт с Лешей.

Но он меня словно не слышит. Как ни в чем не бывало, взглядывается в мои глаза, а спустя секунду склоняет голову к плечу.

— А может, ты извращенка? — уголок губ Леша ползет вверх.

Хмурюсь.

Что за бред он несет?

— Хочешь сказать, нет? — произносит проникновенно муж, обдавая горячим дыханием мое лицо, из-за чего мурашки, не прекращающие бегать по коже, лишь ускоряются. — А я думаю, да. Ты же готова не просто терпеть меня, но и участвовать во всем том, о чем я тебе рассказывал, — Леша резко наклоняется ко мне, проводит кончиком носа по моей щеке, при этом втягивает воздух.

Он что... нюхает меня?

Перемены в поведении Леши выбивают меня из колеи. Нахожусь в полнейшем раздрае, поэтому не сразу осознаю, что он имеет в виду. Но когда до меня доходит смысл его слов, с размаху толкаю мужа в грудь. Он, явно, не ожидавший такого подвоха, пошатывается, немного отстраняется, но не отпускает меня. В глазах Леши замечаю вызов, который принимаю.

— И кто тебе сказал, что я собираюсь тебя терпеть? — выгибаю бровь. Удивительно, но мой голос не дрожит. Похоже, письмо в моем кармане придает мне сил. Саша верил, что я смогу справиться с его братом, иначе не доверил бы мне столь "важную миссию", хотя до сих пор непонятно, в чем именно она заключается. — Заявление на развод уже отправлено. Если ты его не подпишешь, то суд нас разведет в любом случае. Совместного имущества у нас нет, детей тоже. Насколько я знаю, наследство, полученное одним из супругов, все равно считается личной собственностью каждого и разделу при разводе не подлежит. Так, что у тебя нет никаких шансов удержать меня рядом с собой против моей воли, — мой голос, который во время всей моей тирады был наполнен силой, но под конец садится.

Я не заметила, в какой момент черты лица мужа заострились, но стоит мне увидеть гневный блеск в его глазах, как все внутри переворачивается. Хватка Леши ужесточается. Муж, словно, специально вдавливая меня в себя изо всей силы, еще мгновение вглядывается в мои глаза, после чего

жестко усмехается.

— Я, конечно, знал, что ты меркантильная дрянь, — выплевывает, — но чтобы настолько, — качает головой, не прерывая зрительного контакта со мной. Своим беспочвенным обвинением Леша не только выбивает из меня весь воздух, но и на какое-то время лишает дара речи. Не успеваю я вернуть себе возможность нормально соображать и говорить, как превосходство вспыхивает в глазах мужа, из-за чего мне становится совсем не по себе еще до того, как слышу его следующие слова: — Да, ты все правильно говоришь, но кое-что не учла, — муж стремительно наклоняется и шепчет мне на ухо: — мы с тобой не предохранялись. Ты можешь быть уже беременна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.